

УДК 82.09(=511.131)

Т.Р. Душенкова

Удмуртская поэзия постмодернизма: «женский взгляд» Л. Нянькиной

Аннотация. В статье рассматривается творчество удмуртской поэтессы Лидии Нянькиной, являющейся ярким представителем поэзии постмодернизма и этнофутуризма. Л. Нянькина ввела в удмуртскую поэзию новый тип героини, совершенно противоречащей традиционному менталитету, – гетеру. Вместе с этим образом в удмуртскую поэзию через ее стихи хлынула волна московской куртуазности, имеющей глубокие литературные традиции – от трубадуров до Серебряного века. Многие стихи Л. Нянькиной рассмотрены на уровне интертекстуальности, благодаря чему выявляются интересные взаимосвязи с мировой литературой.

Ключевые слова: удмуртская женская поэзия, лирическая героиня, гетера, постмодернизм, интертекстуальность, Серебряный век, куртуазные маньеристы.

T.R. Dushenkova

Udmurt poetry of postmodernism: «women's perspective» by L. Nyankina

Abstract. The article discusses the works by Lydii Nyankina, she is Udmurt poetess, and she is a prominent representative of the poetry of postmodernism and ethnofuturism. L. Nyankina introduced into Udmurt poetry a new type of a heroine, "the hetaera", this type is contrary to the traditional mentality of Udmurts. Together with it character through her poems in Udmurt poetry came a wave of the Moscow courtesy with deep literary tradition – from the troubadours to the Silver age. A lot of the poems by L. Nyankina are analyzed considering the intertextuality level, which reveals an interesting relationship with the literature of the world.

Keywords: Udmurt women's poetry, lyrical heroine, hetaera, postmodernism, intertextuality, the Silver age, the courtly Mannerists.

Женская лирика, представленная произведениями Ашальчи Оки, Т. Черновой, А. Кузнецовой, Л. Кутяновой, Г. Романовой и других авторов занимает достойное место в национальной поэзии. Сочинения женщин-поэтов объединяет глубокий лиризм и напевность, берущие своё начало в удмуртском фольклоре. Вместе с тем у каждой поэтессы имеются свои излюбленные темы и образы: Т. Чернова отдаёт предпочтение мистической, роковой женщине; Г. Романова пишет о героине, которой сложно разобратся в своих чувствах; у Л. Кутяновой преобладает образ современной женщины, ищущей обыкновенного земного счастья.

В середине 1990-х годов в удмуртскую поэзию через стихи Л. Нянькиной стремительно ворвалась новая лирическая героиня – гетера. Это иной тип личности резко расходится с традиционным и совершенно не свойственен удмуртскому менталитету. Разве можно было предположить, что нежная, застенчивая, стыдливая, боязливая

удмуртская девушка могла сказать, открыто во всеуслышание заявить о себе, что она гетера? Никогда в удмуртской женской поэзии такого не было. Хотя в сборнике А. Кузнецовой «Лушкем яратон. Интим» (1995) героиня уже признается во всех своих тяжких грехах, в безответной, несчастливой любви и т.п. Именно здесь появился образ «кобла» [8, 59–62] (кобыла), но лирическая героиня остается все той же советской женщиной-труженицей с безрадостной судьбой. А затем возник образ блудницы на страницах скандальной повести С. Пушиной-Благининой «Исповедь грешницы» (1996), где представлена сильная, яркая личность, но которой так не хватает все той же любви. Героиня Л. Нянькиной совершенно иная.

Ни в коем случае мы не хотим как-то умалять значимость других удмуртских поэтесс. Но жизнь не стоит на месте. На смену одной эпохи приходит другая – со своими принципами и правилами, течениями и направлениями. Меняются темы, герои, а вместе с ними и вку-

сы читателей. Интересен сам факт появления нового образа в удмуртской женской поэзии. Что же, собственно, послужило причиной его появления? Почему, не боясь общественного мнения (народного суда), поэтесса смело вводит его в удмуртскую лирику? Внешние факторы, очевидно, послужили катализатором для дремавших в глубинах сознания поэта новых идей. Хотя образ гетеры был прославлен ещё в гимнах древнегреческих и древнеримских поэтов, вдохновлял певцов и музыкантов. Так, в России он достаточно хорошо раскрыт в лирике поэтов Серебряного века.

Для удмуртской литературы открылись новые горизонты. Впервые стихи данного цикла были опубликованы в журнале «Инвожо» (№ 7–8, 1995 г.). Возможно, одни читатели даже не заметили, а другие были ошеломлены столь необычными и свежими красками¹. Действительно, образ гетеры совершенно не свойственен для удмуртской поэзии. Почему именно его выбрала Л. Нянькина? Стало ли ей тесно в традиционных рамках удмуртской поэзии? Или это был своеобразный эпатаж? Возможно, она решила себя ничем не ограничивать: она – женщина, личность. Никакие национальные границы и запреты для нее не в счет. Она позволила себе быть человеком Вселенной. В этом – явное выражение феминистских настроений.

Ее героиня красива, умна, у нее пламенное сердце. Возможно, она открыла в себе иное предназначение: она Человек – а «это звучит гордо» (М. Горький). С чаши весов нельзя сбрасывать и наблюдения учёных-медиков, которые всё настойчивее говорят о «болезни века образованности» – «пиг-

малионизме», вызванной неудовлетворенностью окружающей действительностью, приводящей к мысленному воссозданию идеального мира вокруг себя. Не стоит забывать и то, что это была середина 1990-х годов. Образ гетеры, по-видимому, привлекателен для Л. Нянькиной и тем, что он наиболее полно и ярко выражает состояние современного общества, когда образованные молодые женщины заведомо обрекают себя на одиночество, делают карьеру и т.п.

Л. Нянькина выросла в приобщении к мировой культуре (она окончила Литинститут в Москве) – не отказываясь от своей, удмуртской, которую впитала в себя с молоком матери. В ее поэтическом цикле осуществился синтез культур как единое духовное пространство, как акмеистическая «тоска по мировой культуре» (О. Мандельштам).

Кто же такая гетера? В большом энциклопедическом словаре дано следующее определение: «Гетера (от греч. – подруга, любовница). 1. В Древней Греции: образованная незамужняя женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. 2. Устар. Женщина лёгкого поведения» [1, 201]. Как правило, они увлекались музыкой, философией, искусством, играли заметную роль в обществе. Часто становились спутницами и подругами поэтов, философов, художников (см. тж.: [15, 557]). Большой след они оставили в истории античной Греции и Древнего Рима. Многие из них оказывались у власти, некоторые становились правительницами, супругами императоров (Аспазия, Гликерия, Феодора, Фрина)². По своему социальному статусу гетера тесно связана с богемой, с

¹ Удмуртский бард Надежда Уткина сразу откликнулась на эти стихи и написала песню, которая прочно вошла в ее репертуар.

² Аспазия (470–410 до Р.Х.) – знаменитая афинская гетера, жена Перикла, женщина редкой красоты и образованности, чей дом стал своего рода литературным и философским салоном. Английский поэт и писатель У.С. Лендор в 1836 г. издал книгу «Перикл и Аспазия», представляющую собой воображаемую переписку этих двух лиц. История жизни Аспазии изложена в романах Р. Хамерлинга «Аспазия» (1876) и Г.Ф. Атерион «Бессмертный брак» (1927); она также является одной из центральных фигур в романе Ф. Маурица «Жена Сократа» (1927) [15, 160]. Феодора (ок. 500–548). Византийская императрица, супруга и соправительница Юстиниана I. <...> Выдающаяся красота и живой ум Феодоры позволили ей подняться из низов и обрести довольно прочное положение в столичном обществе, а в 1523 г. она стала женой Юстиниана, ближайшего претендента на трон, который он через 4 года занял вместе с Феодорой. <...> В 532 г. именно она сыграла ключевую роль в подавлении народного восстания в Константинополе. <...> В дальнейшем принимала деятельное участие в управлении государством, а после её кончины имперская политика тотчас утратила былую энергию и напористость (к тому времени Византия достигла максимального расширения своих границ за всю историю). Известно, что именно Феодора много сделала для повышения статуса женщин в византийском обществе. <...> Феодора выступает заглавной героиней пьес К. Эдлера (1881), В. Сарду (1884) и Й. Бройера (1903); ей посвящены романы Дж. Мейсфилда «Императрица» (1940), Т. Фонтана «Владычица Византии» (1954), Г. Лэма «Феодора и император» (1952) и др. [15, 620].

жизнью и творчеством художников и поэтов. Она олицетворяет независимость и свободу, эмансипированность.

Возможно, героиня Л. Нянькиной хочет вернуться или воссоздать те древнейшие языческие времена. Женщина превращается в «олимпийскую богиню». На Олимпе ей хорошо, легко (а может, поэт таким образом пытается вернуть Золотой Век, Эдем?). Она в лоне первозданной природы, связана с ней невидимыми нитями. Ее душа слита с душой мира – Розой мира (Д. Андреев). Это прообраз/архетип материнского лона. Состояние эмбриона.

Поэтому героиня может быть как бог/

богиня. Так она попадает на небо³, становится небожителем. Небо/небеса превращает в свой будуар. Иногда она ставит/возносит себя выше бога, солнца, звезд. А может, ей все это снится? (ее запросы сопоставимы с желаниями старухи из сказки А.С. Пушкина «Золотая рыбка»).

Лирическая героиня Л. Нянькиной соединяет в одном лице внутренний мир и внешний облик не только языческой женщины, но и куртизанки⁴ эпохи Людовика XV, и фаворитки XVIII столетия, и Прекрасной Дамы, а также – символ Вечной Женственности конца XIX – XX в.:

<p>Бен, мон гетера, туж шудо адями! Инбам – будуаре мынам... ...Бурдыд ке вань – я, лоб иське мынам будуарам! [10, 60].</p>	<p>Да, я гетера, очень счастливый человек! Небо – мой будуар... ...Если есть у тебя крылья – тогда лети в мой будуар!</p>
---	---

Быть гетерой – значит принадлежать к особому стилю жизни, поведения и мыслей, и соответственно, придерживаться особой морали, вступающей в противоречие с традиционной. Однако поэтесса умеет отстраненно наблюдать за своей героиней. Возможно, это – вымышленный образ, о чём, в частности, свидетельствует метафора «небо – будуар». Это – мир, увиденный во сне. Собственно, это – рай лирической героини, созданный игрою ее воображения.

Понятие будуар в культурологическом смысле отсылает нас во Францию. Будуар – от фр. *boudoir*, французы же производят его от глагола *bouder* – сердиться, хмуриться, дуться, и этим глаголом принято обозначать капризы и причуды молодой светской женщины. Будуар – это изящно убранная дамская комната. Впервые будуары появились во Франции во времена Регентства и введены

во всеобщее употребление господами Помпадур и Дюбарри, которые в этих уединенных и с изумительной роскошью украшенных кабинетах принимали своих поклонников [16, 149]. Соответственно, будуарный – 2. знач. разг., связанный с интимной стороной жизни; закулисный, тайный. Будуарные сплетни, будуарные интриги, будуарная жизнь [1, 101].

Во французской литературе любовные элегии Э. де Парни считались будуарными (Парни – первый поэт XVIII века, стихи которого были не абстрактно-обобщенным безличным набором традиционно-элегических формул, но непосредственно-лирическим выражением чувств единственной в своих переживаниях человеческой личности). Под разными названиями этот стиль будет неоднократно возвращаться в историю культуры. Как особое течение или направление в современном искусстве существует

³ По одной удмуртской легенде, отношения между богом и людьми были очень доверительные. Облака были так низко, что рукой можно было достать. Бог в полдень спускался и гулял по меже. Но однажды женщина повесила выстиранную пеленку на облако, что разгневало Его. И тогда он поднял небо высоко.

⁴ Куртизанки – В «Лексиконе прописных истин» (изд. 1910 г.) Г. Флобера приводятся следующие расхожие мнения: «1. Они неизбежное зло; 2. Охраняют наших дочерей и сестер от холостяков, а иначе должны быть безжалостно изгнаны; 3. Невозможно выйти с женой прогуляться из-за вечного присутствия их на бульварах; 4. Обычно это девушки из народа, совращенные буржуа» [15, 963].

будуарная фотография и будуарная философия⁵.

В русской литературе конца XX века большое распространение (и, в частности, шоу-бизнесе⁶) получило творчество куртуазных маньеристов⁵. Они стали активными продолжателями традиций куртуазной любовной поэзии⁷. 22 декабря 1988 г. за ужином в ресторане ВТО В. Степенцовым и В. Пеленягрэ был подписан манифест об учреждении Ордена куртуазных маньеристов. Они провозглашали «новейший сладостный стиль, на парение духа, свивающееся в экстаической пляске с безумствами плоти». Они не считали «своим долгом описывать то, что низменно, отвратительно и ненавистно самой человеческой природе», зато стремились возвести искусство «до высот восхитительной светской болтовни, каковой она была в салонах времен царствования Людовика-Солнце», т.е. ставят «своей целью выразить торжествующий гедонизм в изощреннейших образцах словесности». Под последними часто имеется в виду нарцисстический самообман участников⁸, либо сознательное рекламное преувеличение ими своих достоинств. «Тематический репертуар стихов и прозы предельно узок и исчерпывается безумствами плоти и прелюдией к ним. В

них присутствует тон веселого цинизма. Балансирование на зыбкой грани между искренностью и позерством, галантностью и скабрёзностью делают необязательными иные смысловые, интонационные и эмоциональные регистры, а центонность и работа с архаическими стихотворными жанрами (триолет, терцины, мадригал и т.п.) никак не того сорта, что в филологической поэзии, ибо цитаты в стихах «свиваются», как правило, самые общеизвестные, легко опознаваемые. Все на поверхности, все плоско и зачастую плоско – как в гламурной эстетике, утверждение которой в России куртуазные маньеристы опередили не на десятилетие» [13, 269–271].

Именно на этой волне появился цикл стихов Л. Нянькиной. Они несколько наиграны, им присуща некая рафинированность. Героиня чем-то напоминает экзальтированных дам И. Северянина: «В темном платье муаровом, в темном платье муаровом. Вы такая эстетная...». Потом Л. Нянькина даст свою интерпретацию этого стихотворения на удмуртском языке в сборнике «Синучкон» («Зеркало», 2004) и напишет еще несколько вещей, пропитанных его аллюзиями, но с ноткой самоиронии и улыбкой Моны Лизы:

⁵ Известные светские журналистки Ксения Соколова и Ксения Собчак в течение нескольких лет в журнале «iQ» вели рубрику «Философия в будуаре», в которой проверяли на прочность избранных представителей сильной половины человечества. Вопросы задавались обо всем: о женщинах и деньгах, об искусстве и шоу-бизнесе, о политике и футболе, о семейных ценностях и продажной любви, об американской избирательной системе и лучших друзьях девушек после бриллиантов. Вскоре, в 2010 г., Издательство «АСТ» 150 000 тиражом выпустило одноименную книгу.

⁶ Наиболее популярными стали шлягеры В. Степанцова и супершлягеры В. Пеленягрэ «Как удивительны в России вечера», «Девочка», «Бискайский залив», «Порт-Саид», «Пикадилли».

⁷ Куртуазная любовь (от франц. – учтивый, рыцарский). Своеобразный кодекс отношений между мужчинами и женщинами из высшего сословия в средневековой Европе, сложившийся под влиянием песен трубадуров 11–12 вв. и имеющий первоначальными источниками «Науку любви» (ок. I от Р.Х.) Овидия и испано-арабскую любовную поэзию. Сам термин «куртуазная любовь», как и возникающее на его основе понятие «куртуазная литература», в Средние века не существовал и был введен в обиход критиками лишь в кон. 19 в. (как полагают, первым это сделал Г. Пари в 1883 г.). Согласно правилам этого кодекса, рыцарь, заявив о своей любви к знатной замужней даме (зачастую стоящей выше его феодальной иерархии), должен был доказать силу своего чувства героическими подвигами на полке брани, либо турнире, а также анонимными любовными посланиями в стихах... рыцарь мог открыто выражать преклонение перед «дамой сердца» (напр., женой своего сюзерена), что было в порядке вещей и нисколько не роняло ее чести. Именно такой вариант «возвышенной» куртуазной любви обычно воспевается в произведениях куртуазной литературы. Ее лучшими представителями были Мария Французская, Кретьен де Труа, Бернар де Вентадорн, Бертран де Борн, Вальтер фон дер Фогельвейде, Вольфрам фон Эшенбах, Гартман фон Ауэ, Гортфрид Страсбургский, Гильом де Лоррис, Жан де Мен, а наивысшего развития тема куртуазной любви достигла в поэзии Данте Алигьери и Ф. Петрарки. В действительности же связь между куртуазными любовниками носила далеко не столь целомудренный характер – ...служили удобным прикрытием для самого обыкновенного адюльтера [15, 963].

⁸ Состав его неоднократно менялся: А. Добрынин, Дм. Быков, К. Григорьев, А. Севастьянов, А. Скибу и др.

<p>Муар дэремен мон, муар дэремен мон – Сыце но эстетной, лэся, адкисьско. Кызпу кадь веськрес мон, сыце мадемуазель мон – Ялан одйгнам садэтй калгисьско. Пиос дйсьтытэк мон шоры учкыло. Шуфы пилемъёс пушкытй порьясьско мон, Кинлы, пе, кулэ мон – сыце романтичной! Муар дэремен мон, муар дэремен мон – Зэмзэ но-а, мар-а, укыр мон эстетной? Одйг пиосмурт но уг басьты кышно! [11, 290]</p>	<p>Я в муаровом платье, я в муаровом платье – Я выгляжу, кажется, такой эстетной. Как береза, стройна, я такая мадемуазель – Все одна гуляю в саду. Мужчины нерешительно на меня поглядывают. Среди пенных облаков я гуляю, Кому я нужна, такая романтичная! Я в муаровом платье, я в муаровом платье – Неужели я действительно такая эстетная? Ни один мужчина не берет меня в жены!</p>
--	---

Связь с будуарно-бульварным гением русской поэзии не только на уровне тем и образов – она глубоко внутренняя. Вот

еще один излюбленный прием – маскарад-ность, балы и принцессы:

<p>Нырысь нокин но өз тодма – Кин ай со эктэ залын? Ах, туннэ мон вал принцесса Одйгаз шулдыр балын! <...> Лулзылэмысь чик өз дугдэ Егит принцьёс со жытэ. Одйгез шуиз: «Принцесса, Курисько кидэс туннэ!» Вуэмын ини карета, Потйськомы ульчае. <...> Вальёсы, тй ворттэ, ворттэ Коть нош сизыым шур йылэ! Выжыкылысь нош ик вуттэ Мукетаз выжыкылэ! [11, 291]</p>	<p>Сначала никто даже не узнал – Кто это в зале танцует? Ах, сегодня я была принцесса На одном веселом балу! <...> Не переставая вздыхали Молодые принцы в тот вечер. Один сказал: «Принцесса, Прошу сегодня вашей руки!» Уже подали карету, Выходим на улицу. <...> Кони, вы несите, несите Хоть на исток семи рек! Из сказки (одной) вновь доведите До сказки другой!</p>
--	--

Известная сказка прочитывается сразу: прозрачен и текст песни «Золушка» (автор – И. Резник, муз. – И. Цветкова), которую в свое время исполняла Л. Сенчина. Перед нами молодая красавица, уверенная в своих чарах, ни в чем не знающая отказа от мужской половины человечества. Добавим здесь и другие работы Л. Нянькиной: «Мой Мир» («Мынам Дуннее»), «Мое настроение вкуса мармелада» («Мармелад шбмо мылкыды»), «Ах, надену короткую юбку»

(«Дйсьяло ай вакчи юбкаме»), «Мой Черт» («Мынам Чёртэ»), «Вы много раз мне будете аплодировать “браво!”, “бис!”» («Тй трос пол чабоды “браво!”, “бис!”») и др., в которых та же тема нашла свое развитие.

С другой стороны, ее героиня очень несчастна, одинока: «Не буду никогда права» («Уг поты шонере»), «Одна» («Огнам»), «Каждый день – роман» («Нуналлы быдэ роман») и др. В одном из стихотворений читаем:

<p>Анаелэн луддем нылыз, Атаелэн кыртык нылыз. [10, 60]</p>	<p>Одичавшая дочь моей матери, Вольная/дикая дочь моего отца.</p>
---	--

Раз в год она возвращается из большого города в родительский деревенский дом (пенаты), благословенный природой и

Богом уголок. Дом/деревня – та пуповина (см.: [9, 115–124]), которая связывает людей с родимым домом, даже если она отсыхает.

Городского жителя какая-то непонятная сила тянет на природу:

<p><...> кытын луэ шокчын, Пыласькыны пксь мунчоын. Серекъяны эшъёс пклын, Анай бурдын – Бкрдын, бкрдын ... [10, 60]</p>	<p><...> где можно вздохнуть, Помыться в жаркой баньке. Посмеяться с друзьями (букв. среди друзей), Под материнским крылом – Плакать, плакать...</p>
--	--

Здесь она обновляется, как бы заново рождается (ведь всем известны очистительные функции воды и огня). Здесь язычница (или христианка) восстанавливает, находит свои силы, избавляется и очищается от своих грехов. «Под материнским крылом» («Анай бурдын») – очень красивый/трогательный мифологический образ. Чувствуются отголоски удмуртских космогонических легенд (см.: [7]), стремление воссоздать древний архетип водоплавающей птицы –

гуси, утки, лебеди (ъазег, цож, юсь). Через них восстанавливается связь с древним архетипом матери-прародительницы. Мать-земля никогда не бросит своего ребенка. (В христианстве произошла смена позиций, когда более древние матриархальные отношения были заменены патриархальными, когда от многобожия перешли к монотеизму). И потому одичалая дочь возвращается домой (ср. в Библии – возвращение блудного сына).

<p>...Кытын липет – буш луд, ...Кытын кквл Воршуд. [10, 60]</p>	<p>...Где крыша – пустое поле, ...Где нет Воршуда.⁹</p>
---	--

Как понять последние строчки? Возможна такая интерпретация: счастье-шуд ушло от удмуртов¹⁰, потому как они стали обижать Кылдысина, поэтому пустеют и исчезают деревни, поля

не пашутся – они дичают, зарастают сорняками, травой. Другая – в городе нет воршуда. Люди потеряли/растеряли счастье. Именно поэтому одичалая дочь плачет под крылом своей матери.

<p>Куло шуыса уг кулһськы, Ульо шуыса уг ульһськы... [10, 59]</p>	<p>Думаю, умру – не умираю, Думаю, воскресну – не воскресаю...</p>
---	--

Сколько боли, печали в этих словах. Когда человек теряет свои корни – Воршуд, то теряет связь с жизнью, теряет их ключи. Все поиски тщетны. Хотя они могут

оказаться под носом. Мы, как слепые котята. И не видим и не можем найти/увидеть свое счастье. Героиня не может сказать что-то очень важное, не может

⁹ Воршуд – божество домашнего очага, хранитель рода [14, 135]. Божество, покровитель рода. Ассоциировалась с женщиной-прародительницей и носило её имя. Общепринятым считается мнение о происхождении термина из двух составляющих: вордыны ‘родить, растить’ и шуд ‘счастье’. Более логичным и соответствующим закономерностям языка представляется сочетание вордыны ‘родить, растить’ и шудыны ‘воспроизводить, порождать, рождать’ (воршуд < вордһсьшудһсь < вордыны-шудыны), обе части которого равнозначны в определении процесса воспроизводства рода [2, 39].

¹⁰ В одной удмуртской легенде рассказывается, что раньше Бог-Кылдысин «жил среди людей, ходил по полям в образе старика в белой одежде, следил за посевами. Но люди распахали межи, и Кылдысину негде стало ходить, к тому же люди стали носить не белые, как он, а крашенные одежды. Оскорбленный, бог покинул людей, удалившись на небеса (по другой версии – под землю, отсюда предания о Му-Кылдысине). Люди умоляли Кылдысина вернуться на землю. Однажды он появился на священной березе в виде белки. Люди хотели заполучить его навсегда и подстрелили белку, но она превратилась в рябчика, тот – в тетерева, тетерев – в окуня, который скрылся в реке. Ипостаси перевоплощения Кылдысина (белочью шкурку, крыло рябчика/тетерева, сушеную рыбу) удмурты хранили в воршудном коробе в родовом святилище» [2, 85–86].

вспомнить/припомнить сны о неведомых мирах или прошлом (это припоминание было уже у античных философов, у Платона; Сон Веры Павловны из Н. Чернышевского; сон Скарлетт в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» и др.). Но у нее остается маленькая надежда: еще

не родившийся ребенок в утробе¹¹. Может, он сможет найти те потерянные ключи забытых знаний (см.: С. Есенин «Ключи Марии»). Но душа грешной женщины не может летать, как бабочка¹². И кровать, и гроб для нее одно (ср.: Н. Гоголь «Вий» – панночка).

<p><...> Яра пыдлон укыр. Берло дыре мыным весьпыр макмыр, Юисько ке но сурсву. Шокан – квкъл омыр. <...> Љоген кылё, дыр, мон воксё сукур. Кыце вае кугъаз меда та дыр? Ортче ке дыр – йкна, шуо, сксыр. [10, 59]</p>	<p>...рана слишком глубоко. В последнее время мне постоянно хмельно (макмыр), Хотя пью березовый сок. Дышать – нет воздуха. ... Наверное, скоро я совсем останусь слепой. На какой ветке застряло время? Говорят, когда проходит время, излечивается рана.</p>
--	--

Так мучается душа грешного человека. Не потому ли она страдает здесь, чтобы потом на небе (в раю) быть счастливой (а это уже похоже на христианскую идеологию, где страдание в земной жизни сменяется вечным счастьем в другой)? Тогда будуар становится «обетованным» местом.

Время... Где застряло время, за что зацепилось? Хронотоп – и тот меняется в современной поэзии. Оно – время – может

быть само по себе. «Зацепилось за ветку...» («вае кугъаз») (здесь можно сравнить с сюрреалистическими картинами С. Дали). Возможно, за ветку мирового дерева. Зацепилось, как готовый упасть осенний лист, либо – подобно раненой птице из удмуртской легенды о Кылдысине¹³. Он/она падает на землю – а тело остается у матери-земли, а душа возвращается к богу-отцу.

<p>Туннэ луиз мыным шулдыр. Мон берпумзэ шокчи – сыце майбыр... Тһ – вѣч луэ – мон кошкисько Отчы, Ай урамын трос пол пуръоз пучы. [10, 59]</p>	<p>Мне сегодня стало весело/радостно. Я в последний раз вдохнула – так хорошо... Все – до свидания – я ухожу Туда, А на улице много раз еще расцветет верба.</p>
---	--

«Нет руки у шадящего времени» («вёл жалясь дырлэн кыз»), – пишет Л. Нянькина в одном из стихотворений. В

другом находим: «когда проходит время, говорят, излечивается рана» («Ортче ке дыр – йёна, шуо, сёсыр»). Какие разные

¹¹ Продолжение эта история находит в повести Л. Нянькиной «Ау-ау, яке Инбамын гождьёс» («Ау-ау, или Зигзаги на небосклоне»), где героиня делает аборт. А потом к ней прилетает душа ее неродившейся дочки. Происходит встреча-узнавание. Героиня раскаивается. «Но грех прощения не знает...» (З. Гиппиус). А также см. ст.: [6, 31–41].

¹² Бабочка – в удмуртской мифологии душа человека после смерти превращается в бабочку или птицу, с ними связаны разные поверья.

¹³ Кылдысин – Бог-Творец, один из триады верховных божеств. В сформировавшейся триаде удмуртского пантеона бог плодородия (см. Му-Кылдысин/Му-Кылчин). Кылдысину молились под березой. Ему жертвовали быка, овцу, утку, кости закапывали в землю.

Эволюционировал из представлений о женском творящем начале – Матери-самке (Калдык-мумы/Калтак), которое проявляется в поздних чертах Кылдысина: он может предстать в облике и мужчины, и женщины (см. Ю-Кылчин); покровительствует женщинам, родам, вообще детям (Нуны-Кылчин), приплоду скота... [2, 85–86].

высказывания? В народе говорят: «У палки два конца». Поэтому и в мире так много бинарных оппозиций. Все на земле меняется: человек рождается и умирает, но «лишь в лесу не падает/осыпается зеленая хвоя» («тэлысь гинэ кз усь вож лыс»). «И ночь длинна» («Уед но кузь»). «Считай, считай, моя кукушка» («Лыдья, лыдья, кикые»). А по А.Ф. Лосеву, «Все – миф».

Глубокая житейская философия

запрятана в этих строчках. На всей земле – ночь, благодаря чему возникают разные иллюзии. Это ночь в глазах и сердце каждого человека. Она мешает восприятию и распознаванию настоящих очертаний предметов. Мы живем в вымышленном мире мистерий, обманов... От нас спрятаны знание и понимание, поэтому все проходит как во сне. Что же является правдой/истиной, мы не знаем. Возможно, это и не нужно:

...Кй шкды чик, котыр – тол куазь. [10, 59]	Совсем не успела понять, вокруг – зима.
--	---

(явная реминисценция из басни «Стрекоза и муравей» И.А. Крылова:

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза).

Невозможно / трудно заметить / не успеваем заметить, как быстро проходит время, а кукушка все кукует – кому что. А мне?

Вож лыс (уг усь) – кузь уй – кикы /

зеленая хвоинка (не падает) – длинная ночь – кукушка... Кукушка отсчитывает время. У мира свой ритм. Все в свое время... Кукушка сидит на дереве Инмара.

В мире полный круговорот: все умирает и возрождается. Но неизменно одно: кукушка (время) – зеленая хвоя (вечность, жизнь) – время (пространство).

Все меняется, но это остается. Какая сила в них? Человек всегда хотелось знать это. Всегда искал ответы на эти вопросы. Он всегда стремился к бессмертию, хотел стать Богом...

Инмарлэсь йлһе тубо кожасько: Ас поннам уйёсы кылбуръёс гождясько. ...Пагъатэк но мартэк инбаме тубисько, Куддыръя мон асме юг дыдык кожасько, Льуткисько но лопрак музьеме усисько... [10, 59]	Думаю, поднимусь выше Инмара: Для себя по ночам пишу стихи. ...без лестницы и без ничего поднимаюсь в небо, Иногда представляю себя белой голубкой, Поднимаюсь и – падаю плашмя на землю...
--	--

«Иногда представляю себя белой голубкой»¹⁴ («Куддыръя мон асме юг ддыдык кожасько»). Неужели она думает, что подобна Святому Духу? Или ее душа вылетает и покидает грешное тело/плоть. Но из-за своей тяжести не может продержаться в вышине – грехи тянут на землю. Или перед нами новый Икар?

«Стихи пишу» («Кылбур гождясько»). Умение писать стихи у многих народов

считалось великим даром и высокоценилось. Считалось, что сам Бог дает им слово. Именно это умение окрыляет героиню, делает ее смелой и решительной, а потому она может подняться выше. Но ее никто не понимает. «Вой как волк!» («Кион кадъ вуз!») (ср. со стихотворением Н. Гумилёва «Дамара. Готтентотская космогония»:

¹⁴ Голубка (горлица) – символ верной и нежной супруги.

Голубь 1 – символ мира и чистоты. Голубь с оливковой ветвью – символ обновления жизни. У христиан голубь – символ Святого Духа. В Китае – символ долголетия.

Голубь 3 – птица Венеры, символ любви [12, 47–48].

<p>Человеку грешно гордиться, Человека ничтожна сила: Над землею когда-то птица Человека сильней царила. <...> А священными вечерами Над высокими облаками, Поднимая голову, пела, Пела Богу про Божье дело. А ногами чертила знаки, Те, что знали в подземном мраке, Всё что будет, и всё, что было,</p>	<p>На песке ногами чертила. И была она так прекрасна, Так чертила, так пела согласно, Что решила с Богом сравниться Неразумная эта птица. Бог, который весь мир расчислил, Угадал её злые мысли И обрёл её на несчастье, Разорвал её на две части. [10, 133]).</p>
---	---

Небо – вот созданный ею идеальный мир: чистый, светлый. Она окрылена, она Там.

<p>Бурдыд ке вань – я, лоб, иське, мынам будуарам! [10, 60]</p>	<p>Если есть крылья, то тогда лети в мой будуар!</p>
---	---

Примерно так можно подытожить стихотворения Л. Нянькиной и размышления о них.

<p>Бен, мон гетера, туж шудо адями! Инбам – будуаре мынам... [10, 60]</p>	<p>Да, я гетера, очень счастливый человек! Небо – мой будуар...</p>
---	--

За этими строчками встает путешествие по спирали великого А. Данте. Небесный будуар – это придуманный/приснившийся рай героини. Однако, счастлива ли? Нет, она несколько лукавит. Тогда откуда у нее столько горя/печали, которое она держит под замком в сердце своем? Она пытается читателей уверить в том, что очень счастлива.

Да, она гетера – очень свободный человек. Свобода ее слишком зрима, видимо, этостораживает окружающих. Она показная, а внутренний мир ее глубоко трагичен. Не верится ее счастью.

Поэтесса создает новый тип героини. Ее свобода оборачивается трагедией. В этом и есть парадокс. Необычность образа, его цельность; образование, культура, ум, раскрепощенность оказываются не нужными ни в традиционном обществе, ни в жизни. Все кажущиеся положительными оценки приводят к концу пути – к одиночеству. Ее «никто не понимает, рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна», как писала Татьяна Ларина. Ф. Ницше утверждал: тебя поймет тот,

кто похож на тебя. А поскольку это недостижимо, то легче сделать будуар на небе. Героиня хочет избавиться от своих грехов. Ей тяжело нести этот крест. Перед нами разыгрывается пьеса одного актера, а мы едва не поверили в счастье героини.

Да, такой путь проходят многие поэты. В 2011 г. вышел сборник С. Матвеева «Космические мистерии» («Иньсёр пёртмаськонъёс»), где похожие вопросы решаются по-мужски твердо и жестко (см. об этом: [5, 47–57]). Переход в другую культуру, переезд в город тяжело дается сельскому жителю. Слишком крепки корни и тянут к себе. Но это – неизбежный шаг в эпоху глобализации. Все было нужно для того, чтобы вернуться и еще больше ценить и любить нашу родину, наших первых учителей (Ф. Ницше).

Стихи Л. Нянькиной – своеобразное зеркало, в котором можно увидеть многих и многое. Возможно, ее гетера вышла из «Русской гетеры» А. Апухтина или «Русской красавицы» В. Ерофеева? Подобными реминисценциями пестрят

опыты многих современных авторов.

В своих стихотворениях Л. Нянькина открыла целую галерею новых образов. Совершенно обыденные мысли/проблемы она решает и раскрывает по-своему. Этим и интересна читателю. У нее свой голос и незабываемый образ. Ее стихи требуют нового, искушенного читателя, которому будет по сердцу то, что исповедует поэтесса. Благодаря Л. Нянькиной в удмуртской поэзии появился тип новой

героини – женщины-гетеры, обогатившей образный мир национальной лирики.

Современные удмуртские поэты выросли на ярких образцах мировой и, прежде всего, русской литературы. Они чутко улавливают все вибрации воздуха и поэтому идут в ногу со временем. Возможно, поэзия конца XX века (середина 90-х) останется своеобразным Серебряным веком в истории удмуртской литературы (см. т.ж.: [4]).

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2002. 1536 с.
2. Владыкина Т.Г., Глухова Г.А. Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с.
3. Гумилёв Н. Избранное. М.: Просвещение, 1990. 383 с.
4. Душенкова Т.Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов: Очерк поэтической интерпретации. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013. 168 с.
5. Душенкова Т.Р. Поэтические мистерии Сергея Матвеева // Инвожо. 2012. № 9. С. 47–57.
6. Камитова А.В. Повесть Лидии Нянькиной «Ау-ау, яке Инбамын гождьёс или Зигзаги на небосклоне»: о постмодернизме в удмуртской литературе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 2. С. 31–41.
7. Напольских В.В. Как Вукузё стал создателем суши. Ижевск, 1993. 158 с.
8. Пантелеева В. Кобла мон... (А. Кузнецовалэн лирикаяз яратон магия) [Я – кобыла... (Любовная магия в лирике А. Кузнецовой)] // Вордскем кыл. 2001. № 4. С. 59–62.
9. Попова Е.В. Плацента в знахарской практике бесермян // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: Материалы конференции (Международная летняя школа. Глазов, 17–30 августа 2000 г.) / Отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 115–124.
10. Нянькина Л. Уг васькы музьеме... // Инвожо. 1995. № 7–8. С. 59–60.
11. Нянькина Л. Синучкон = Зеркало: Сб. стихов. Ижевск: Удмуртия, 2004.
12. Романова Н.Н. Знаки прошлого и настоящего: краткий словарь / Н.Н. Романова, А.В. Филиппов, В.М. Панькин. М.: Флинта : Наука, 2007. 280 с.
13. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.
14. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Отв. редактор Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
15. Энциклопедия читателя: литературные, библейские, классические исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи, прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии / Под ред. Ф.А. Еремеева. Т. 2: Е–К. Екатеринбург: ИД «Сократ», Изд-во «Фабрика комиксов». 2009.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. М., 2007.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: «Norint», 2002. 1536 s.
2. Vladykina T.G., Gluhova G.A. Ar-god bergan: Obrjady i prazdniki udmurtskogo kalendarja. Izhevsk, 2011. 320 s.
3. Gumil'ov N. Izbrannoe. M.: Prosveshhenie, 1990. 383 s.

4. Dushenkova T.R. Neomifologizm v udmurtskoj poezii serediny 1990-h godov: Oчерk pojeticheskoj interpretacii. Izhevsk: Institut komp'juternyh issledovanij, 2013. 168 s.
5. Dushenkova T.R. Pojeticheskie misterii Sergeja Matveeva // Invozho. 2012. № 9. S. 47–57.
6. Kamitova A.V. Povest' Lidii Njan'kinoj «Au-au, jake Inbamyn gozh#jos ili Zigzagi na nebosklone»: o postmodernizme v udmurtskoj literature // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2012. Vyp. 2. S. 31–41.
7. Napol'skih V.V. Kak Vukuzjo stal sozdatelem sushi. Izhevsk, 1993. 158 s.
8. Panteleeva V. Kobla mon... (A. Kuznecovaljen lirikajaz jaraton magija) [Ja – kobyła... (Ljubovnaja magija v lirike A. Kuznecovoj)] // Vordskem kyl. 2001. № 4. S. 59–62.
9. Popova E.V. Placenta v znaharskoj praktike besermjan // Finno-ugorskaja fol'kloristika na poroge novogo tysjacheletija: Materialy konferencii (Mezhdunarodnaja letnjaja shkola. Glazov, 17–30 avgusta 2000 g.) / Otv. red. T.G. Vladykina. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 2001. S. 115–124.
10. Njan'kina L. Ug vas'ky muz#eme... // Invozho. 1995. № 7–8. S. 59–60.
11. Njan'kina L. Sinuchkon = Zerkalo: Sb. stihov. Izhevsk: Udmurtija, 2004.
12. Romanova N.N. Znaki proshlogo i nastojashhego: kratkij slovar' / N.N. Romanova, A.V. Filippov, V.M. Pan'kin. M.: Flinta : Nauka, 2007. 280 s.
13. Chuprinin S. Russkaja literatura segodnja: Zhizn' po ponjatijam. M.: Vremja, 2007. 768 s.
14. Udmurtsko-russkij slovar': Ok. 50 000 slov / RAN. UrO. Udm. in-t IJaL; Otv. redaktor L.E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 s.
15. Jenciklopedija chitatelja: literaturnye, biblejskie, klassicheskie istoricheskie alljuzii, reminiscencii, temy i sjuzhety, mifologicheskie i skazochnye geroi, literaturnye maski, personazhi, prototipy, real'nye i vymyshlennye toponimy, kratkie biografii i rekomenduemye bibliografii / Pod red. F.A. Eremeeva. T. 2: E–K. Ekaterinburg: ID «Sokrat», Izd-vo «Fabrika komiksov». 2009.
16. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Jefrona. M., 2007.